

БЛОК ПЕРЕВОДИТ ПРОЗУ ГЕЙНЕ

Сообщение А. В. Лаврова и В. Л. Топорова

Тема «Блок и Гейне» не обойдена вниманием в нашем литературоведении. Уже в год смерти поэта появилась статья Ю. Н. Тынянова «Блок и Гейне», представляющая собой попытку типологического сопоставления творчества русского и немецкого поэтов (в основном в направлении к обнаружению черт несходства их художественных миров)¹. Теме этой посвящены и последующие специальные работы Е. Ф. Книпович, Е. В. Ланды, А. В. Федорова², затрагивалась она и в других блоковедческих исследованиях. Интерес к ней закономерен, ибо Гейне — один из «вечных спутников» Блока, чувствовавшего с ним особенное родство, ощущавшего непосредственную, живую связь его творческого облика со своей духовной биографией. Тяготение к творчеству великого немецкого поэта получило красноречивое и плодотворное выражение в статьях Блока о Гейне, переводах его стихотворений, работе по подготовке и редактированию его собрания сочинений. Эта тема не исчерпана в своем истолковании по сей день, даже относящиеся к ней материалы еще не полностью введены в читательский обиход — это относится прежде всего к рукописям, характеризующим деятельность Блока-редактора. Не был ранее опубликован и беловой автограф Блока, представляющий собой опыт перевода (помета Блока на рукописи: «собственная проба перевода») начальных страниц «Путешествия по Гарцу» («Die Harzreise») — первой части прославленной книги Гейне «Путевые картины».

22 июля 1908 г., задолго до обращения к этой работе, Блок зафиксировал в записной книжке по ходу чтения «Путешествия по Гарцу» (в переводе П. И. Вейнберга) цитаты из книги Гейне и собственные конспективные замечания (ЗК, 110—111). Особо отметив одну из заключительных фраз произведения: «я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо», — Блок нашел в ней тогда ключ к внутреннему миру Гейне и одновременно — свидетельство о «болезни», которой пропитана современная жизнь. Размышления об этом легли в основу его статьи «Ирония» (1908). Болезнь «иронии» — болезнь личности — болезнь индивидуализма — таково, по Блоку, разрушающее наследие гуманистической цивилизации XIX в., такова его оборотная сторона, которую разгадал и воплотил Гейне в своей «провокационной иронии». «Кто знает то состояние, о котором говорит одинокий Гейне: „Я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо!“ Ведь это — крик о спасении», — резюмировал Блок (V, 349).

Если в 1908 г. Гейне был интересен Блоку прежде всего своей «провокационной иронией», столь поразившей его в «Путешествии по Гарцу», то в пореволюционные годы в его восприятии немецкого поэта на первый план выдвинулись иные аспекты. Представая ранее прежде всего как разоблачитель и разрушитель идейных и культурных мифов XIX в., Гейне теперь укрупняется в сознании Блока и обретает ореол пророка нового, грядущего мира, открывающегося за горизонтом свершившейся революции. «... Сейчас Гейне стал ближе, чем когда-нибудь, к миру, — утверждает Блок в 1919 г. — (...) может быть услышан голос подлинного Гейне именно теперь, среди того взбаламученного моря, которое представляет из себя европейский мир, где трещит по швам гуманистическая цивилизация» (VI, 125). Своей внутренней раскованностью и мятежностью, свободой от догм и предрассудков, причастностью «духу музыки» — движущей силе жизненного обновления — Гейне нес в себе черты будущего цельного человека, «человека-артиста», который, как считал Блок, должен прийти на смену «гуманному» человеку внутренне исчерпавшей себя современной цивилизации. Все эти положения Блок сформулировал в докладе «Гейне в России. О русских переводах стихотворений Гейне» и в идейно связанной с ним программной статье «Крушение гуманизма». Гейне оказался неотъемлемой частью сознания Блока в революционную эпоху, и его образ предстал в ответе блоковских духовных исканий этого времени.

Естественно и закономерно, что Блок в 1918 г. с огромным воодушевлением взялся за подготовку и редактирование нового собрания сочинений Гейне в издательстве «Всемирная литература». В результате подробного, тщательного изучения дореволюционных переводов он пришел к выводу, что вместо подлинного Гейне в русском читательском обиходе распространены лишь его «либеральный суррогат» — порождение «либеральной легенды» о поэте, однозначных тривиальных представлений о нем и о его творчестве. Видя в немецком классике союзника в стремлении к новому миру, Блок поставил задачей сделать Гейне интересным и живым для будущего читателя.

«Предстоит дать Гейне нашей эпохи — труд большой и ответственный, — писал Блок В. А. Зоргенфрею 7 декабря 1918 г. — <...> Чем больше читаю старые переводы, тем больше ужасаюсь. Оказывается, русские профессора и версификаторы не умели совладать не только со стихами, но и с прозой Гейне <...> О том, чтобы просить Вас принять участие в переводах как стихов, так и прозы, я думаю с тех пор, как получил эту работу. Теперь, когда сам начал переводить, думаю особенно, и мог бы сейчас же предложить Вам конкретную работу, сначала — над прозаической вещью» (VIII, 517—518)³. Упоминание Блока о том, что он «сам начал переводить», относится к «собственной пробе перевода» из «Путешествия по Гарцу»; накануне, 6 декабря, поэт записал: «Вечерние труды над переводом „Путешествия на Гарц“». Что же это сделали даже с прозой Гейне не только Вейнберг, но и Михайлов! (кроме цензуры)» (ЗК, 438—439). Неудовлетворенность качеством перевода П. И. Вейнберга (1859) и М. Л. Михайлова (1859), по которым тогда имели представление о «Путешествии по Гарцу» русские читатели, побудила Блока заказать Зоргенфрею новый перевод шедевра раннего творчества Гейне и даже испытать собственные силы в этом деле. «Поручив мне перевод „Путевых картин“, — свидетельствовал Зоргенфрей, — он начал с того, что сам перевел до 10 страниц, читал их вместе со мною, внимательно прислушиваясь к моим замечаниям и вводя поправки»⁴.

Проза Гейне, разрушавшая традиционный канон повествовательности, была для своего времени новаторской. Многие сближало ее с поэзией — и подчеркнутая субъективность высказывания, и широчайшее использование образных средств, и ассоциативное чередование картин и мыслей. В то же время злободневность политической, литературно-критической и личной тематики, прицельная меткость сатиры, наконец сама форма (чаще всего — путевые заметки) были у Гейне скорее публицистическими. Сплав поэзии с публицистикой, подаваемой как проза, вызывал споры, а порой и нарекания. Именно в прозе проявилось в полной мере непрезойденное остроумие Гейне, многими — и не без оснований — посчитанное злоязычием.

Такая проза возникла не на пустом месте. В качестве прямых предшественников Гейне-прозаика можно назвать английского сентименталиста Стерна, немецких романтиков Брентано, Гофмана и в особенности Жан-Поля. Но и она, в свою очередь, оказала влияние на писателей позднейшего времени, причем не только положив начало своеобразному жанру «проза поэта», но и, на наш взгляд, способствуя самой своей фактурой становлению свободной стиха как формы художественной речи, основанной на усложнении семантических и модальных связей. До Гейне литература не знала ни такой раскованности интонации, ни такой свободы в выборе разнохарактерных и многоплановых стилистических средств. Блоком была хорошо почувствована эта уникальность прозы Гейне, опередившего свое время, равно как и беспомощность переводческой школы XIX в. в ее передаче. Нужно сказать, что и в начале XX в. трудно было бы подыскать ей какой-либо аналог в русской литературе; определенные соответствия можно обнаружить лишь в прозаическом наследии младшего современника Блока О. Мандельштама.

Блок выбрал для своей «пробы» начало «Путешествия по Гарцу», представляющее собой развернутую карикатуру на университетский город Геттинген и его обитателей, «скотов по преимуществу». Такие карикатуры особенно удавались Гейне, он умел буквально стереть в порошок врага; современники сравнивали это с образцово проведенной публичной казнью. Впрочем, 25-летний автор «Путешествия по Гарцу» был еще не столь желчен, и экзекуцию, учиненную им затхлому филистерскому городку (бывшему, кстати говоря, одним из интеллектуальных центров Европы), можно, скорее, сравнить с публичной поркой. Высек он Геттинген, однако, пребольно.

Профессора — невежды и ретрограды, педагоги — доносчики и мерзавцы, студенты — пьяницы и бузотеры, обыватели — ханжи и скупердяи, дамы — уродливы и распутны, — вот,

собственно, и все, что говорит Гейне в публикуемом отрывке об обитателях Геттингена. Но говорит во всеоружии своей сатирической техники, говорит с таким блеском, что эта полуправда кажется убедительней самой правды. Палитра Гейне-насмешника весьма широка, но все же укажем основные, прежде всего чисто языковые краски: метафоры и гиперболы, парадоксальные сопоставления и перечисления («знаменитый своими колбасами и своим университетом»), игра слов, сплошь и рядом не поддающаяся даже приблизительному переводу, подбор эпитета по принципу оксюморона (например, «горизонтальное ремесло», на которое обратил внимание Блок в записях 1908 г. — ЗК, 110), окказиональные неологизмы. Нарочито запутан и синтаксис Гейне — все эти бесконечные Schachtelsätze — «матрешки» (сложные предложения с многократным соподчинением, обилием вводных и модальных конструкций), пародирующие наукообразный стиль, просочившийся отчасти и в художественную прозу. Сложность и даже неподатливость прозы Гейне для перевода были хорошо поняты Блоку, характеризовавшему ее в предисловии к первой части «Путевых картин»: «Постоянные отступления, одушевление природы, рефлексия, немалая эрудиция, романтическая приподнятость и ненависть к филистерству и совершенно неромантическая ирония, гейневская ирония во всем ее блеске; капризнейший стиль — непрерывно развивающаяся цепь образов, один образ вызывает другой, они сплетаются, и не знаешь, победит ли который-нибудь из них, или оба будут изгнаны третьим, совершенно новым, который кажется сначала ничем не связанным с ним, но потом оказывается связанным неожиданно и тесно; периоды бесконечно длинные, закругленные, иронически-вычурные, которые русскому переводчику приходится порою делить, потому что они слишком несвойственны нашему языку; вслед за ними — короткие фразы, иногда даже без глаголов; большая меткость и образность определений, внезапно сменяющаяся какой-то вялостью, образами (правда, редко) неудачными и натянутыми, — вот отличительные черты стиля «Путевых картин»⁵.

Все это свидетельствует о том, что перевод прозы Гейне — дело непростое. И действительно проза Гейне недопереведена, т. е. переведена недостаточно хорошо и по сей день, не говоря уже о переводах дореволюционного времени.

Ситуация осложнялась и тем, что если у поэта Гейне и поэта Блока немало точек соприкосновения, то Гейне-прозаик и Блок-прозаик едва ли не антиподы.

Романтическая приподнятость, зачастую изысканность блоковского тона — и стиль Гейне, который Теофиль Готье сравнил с обвешанным бубенцами парчовым платьем царского шута. Каламбуры, какими пестрит проза Гейне буквально на каждом шагу, — и явное их отсутствие у Блока, отторжение «игровых» моментов ради чистоты передачи лирического переживания. Игра на стилистическом диссонансе и стилистическом парадоксе у Гейне — и очевидная однородность блоковской стилистической тональности на всем протяжении одного произведения, доминирующее во всем «чувство целого»⁶. Правда, известный советский исследователь А. В. Федоров провел (в статье «Блок-прозаик и Гейне») определенные параллели между прозой двух поэтов, но его наблюдения, сами по себе справедливые (о жанровой синтетичности, отличительной для прозы двух поэтов, и о важных смысловых соответствиях), никак не отменяют наблюдаемых противоречий. Если вспомнить неприязнь позднего Блока к метафорике и его отзыв о прозе Гейне как о «болтовне с надрывом»⁷, то станет ясно, что затруднения Блока — переводчика и редактора — были и субъективного свойства. Не случайно в предисловии к переводу «Путевых картин» он счел нужным оговорить свои претензии к прозе Гейне: «Стиль местами очень изукрашен, обилие сравнений и метафор приводит к некоторым натянутым выражениям, вроде: „нежную парочку, сидевшую под деревом, я готов был принять за экземпляр *Cornus Juris* с переплетенными руками“; или „ангелы изучают в чертах лица бога генерал-бас“; или „долговязый рвотный порошок“; разумеется, это мелочи, которых не найдешь, однако, у писателя гениального»⁸. В то же время не может не изумлять та тщательность и скрупулезность, с какими Блок взялся за эту во многих аспектах чуждую ему работу, что в сочетании с истинно творческим горением обеспечило прекрасные для своего времени результаты — мы имеем в виду деятельность Блока-редактора.

Что же касается публикуемой «пробы», то при рассмотрении ее нельзя упускать из виду, что Блок, по-видимому, не считал свой опыт перевода доведенным до окончательного облика, ограничившись созданием того, что сейчас бы назвали подстрочником. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, столкнувшись, например, с каламбуром, Блок иногда даже не пытается подыскать ему перевод или адекватную замену, а фиксирует его смысл (или, в случае двусмысленности, оба смысла). Поэтому равноправное сопоставление этого перевода с художествен-

ными — по замыслу, но не всегда и не во всем по воплощению — переводами других авторов, к которому склоняется первая исследовательница публикуемого текста Е. В. Ланда в своей обстоятельной статье⁹, едва ли справедливо по отношению к блоковскому опыту, оставшемуся своего рода «пробой пера», рабочим вариантом; при его анализе целесообразно руководствоваться иными критериями, чем в случаях с завершенными и неоднократно издававшимися переводами «Die Harzreise».

Имеет смысл пройти по тексту блоковской «пробы», отмечая уготовленные в нем переводчику каверзы, тем более что хороший перевод «Путешествия по Гарцу» уже существует (он выполнен В. О. Станевич, впервые опубликован в 1950 г. и не раз переиздавался).

Трудности начинаются уже с первой фразы. Опись «геттингенского хозяйства», открывающаяся 999 домами (в оригинале метонимия «очагами», которую восстановил Зоргенфрей), продолжается «различными церквями», и здесь авторская ирония уже не передана (хорошо перевела Станевич: «разнообразными»). Дальнейшее перечисление строится на игре с неопределенным артиклем, одновременно являющимся числительным «один». Неопределенный артикль в перечислении естественен, но указание на разность наличествующих учреждений носит комический характер. По-русски можно пожертвовать этим эффектом, как поступил Зоргенфрей, или сохранить его, как в подстрочнике Блока, за счет, однако, некоторой натужности речи. В следующей фразе, искусно ее выстроив, Блок избежал «широкой воды», режущей слух во многих других переводах. Фраза: «Город сам по себе красив и особенно приятен тогда, когда повернешься к нему спиной» (лишнее доказательство «подстрочникового» характера текста, Блок-художник не сказал бы: «тогда, когда») — не вышла ни у кого из переводчиков; в оригинале острота ярче и строится на известном выражении «вид сзади», только задом должен повернуться сам наблюдатель. Следующее предложение переводчики брали приступом многие десятилетия: «...ночными сторожами, педелями, диссертациями, танцевальными чаями... компендиями... гвельфскими орденами... профаксами и другими факсами» — чуть ли не все здесь выглядит загадкой. Все предложение построено на игре слов: так, «профакс» (Profax) — жаргонное обозначение для «профессора», а «факс(е)» (Fax) — «проделка», «кривлянье»; перевести это впрямую невозможно, но необходимо как-то скомпенсировать. «Профаксами и другими штуками», — бесхитростно переводит Зоргенфрей, но все же добавляет от себя игру слов (тоже довольно наивную): «педелями, пуделями...». «Пуделей» у Гейне нет, хотя как примета филистерского существования они здесь вполне уместны. Вводит «пуделей» в свой перевод и Станевич, но конец фразы у нее расцветен следующим образом: «профессора, проректоры, пробелы и прочие пустые места». Это уже похоже на Гейне. Правда, и в этом переводе никак не играют по-русски (в перечне советников) опальные ученые и чиновники из других областей Германии (хотя здесь была бы уместна игра «тайные советники — таящиеся советники»). Крайне трудна для перевода и следующая метафора; Блок фиксирует оба ее смысла — «по одному дикому отростку своих членов» и «по одному переплетенному экземпляру»; свести образ воедино он не пытается. «Каждое германское племя оставляло там по одному из своих буйных отпрысков», — переводит Станевич, в целом верно, хотя и бледновато.

Подразделение жителей Геттингена на «студентов, профессоров, филистеров и скотов» не вышло ни у кого из переводчиков. По-немецки «скот» — «фи» (Vieh), и его появление после «филистера» оправдано хотя бы этим, пощечина филистерам отвешена звонко. По-русски это место звучит просто грубо. Слово «ординарный» по-немецки значит также «порядочный», на этом построен следующий каламбур Гейне, чествящего геттингенскую профессуру. Блок понял это и зафиксировал в переводе. Тем досадней, что и Зоргенфрей, и Станевич здесь ошиблись, говоря о «профессорах ординарных и не ординарных». Каламбур получился, но какой ценой? «Не ординарный» — означает «выдающийся», а именно выдающихся профессоров Гейне в Геттингене и не видит! Здесь можно было бы предложить последующим переводчикам поиграть на выражениях «штатный и заштатный». Сложный образ с «песком... грязью морской... грязными лицами и белыми счетами» также не вышел у переводчиков, «белые счета» — ненужный буквализм и плохо сочетается с «грязными лицами»; «белый» не обязательно «чистый». Чтo-нибудь вроде «с грязными лицами и чистой челушкой, изложенной в прошениях» смотрелось бы лучше. Довольно пространное рассуждение о ногах геттингенков — вычурно у самого Гейне, один из редких (или, как считает Блок, не столь уж редких) случаев, когда остроумие ему явно отказывает. Блистательная развернутая метафора о сне профессора-начетчика поддается прямому переводу и соответственно удовлетворительно вышла у всех переводчиков. В сле-

дующем абзаце отметим «спесивую, сухую уозсть» — Блок отказывается переводить неологизм Гейне неологизмом же; впрочем, найденная Зоргенфреем и повторенная Станевич «цитатная гордость» оставляет желать лучшего. В перечне имен, завершающемся каламбурно наращенным словом «дурак» (Dummerjahn), отметим, что найденный Блоком вариант перевода («Дуракьян») был взят за основу его последователями («Дуреньян» у Зоргенфрея, «Глушьян» у Станевич). Следующий образ — свод законов со скрещенными руками (т. е. любовная парочка, какую ее видит одуревший от юриспруденции человек) — раздражал Блока своею искусственностью. Он, по-видимому, не смог его понять. В переводе Станевич все стало на свои места: «...а сидевшую под деревом нежную парочку я чуть не принял за особое издание Corpus Juris с переплетенными застегками».

Встречающиеся нам дальше «Шефер и Дорис» без комментария не понятны. Это два геттингенских педеля, фамилия одного значит по-немецки «пастух», фамилию другого (Dors) Гейне слегка переименовал в условное идиллическое имя (Дорис вместо Дорс), и получилось «пастух и пастушка», что применительно к свирепым надзирателям, конечно, комично. Переводчикам здесь остается только развести руками (так они и поступили). В дальнейшем смешон «спекулянт приват-доцент» — ошибка в передаче немецкого текста. По-русски соответствующий оттенок смысла сохранился лишь в выражении «спекулятивные рассуждения». Правильно: «мыслящий приват-доцент» — перевела Станевич. Каламбурную игру на глаголе «цитировать», означавшем одновременно «вызывать повесткой», Блок, видимо, не уловил.

Дальше следует новое оскорбление профессорам: мало того что они — пирамиды (т. е. стары, как мир, и ни на что не годны), но в отличие от египетских в них «не сокрыта никакая мудрость». «Премудрость» — излишне уточняет Зоргенфрей, уничтожая намек на спрятанные в пирамидах сокровища. «Два юноши, полные надежды» — смысловая ошибка, на которую, возможно, указал Блоку Зоргенфрей. Во всяком случае, у последнего читаем «двое многообещающих юношей», что, конечно, правильно. «Объемистое „что угодно“» вместо «широкого вада» лишний раз показывает, какие трудности испытывал Блок с прозой Гейне. Блоковская «проба» прерывается посредине развернутой метафоры с «немецкой медлительностью лошадей» и «запретным овсом в раю».

Можно только гадать, что заставило Блока на этом месте прервать свой любопытный опыт. Дневниковая запись 1908 г. о «Путешествии по Гарцу» позволяет судить, что начальные страницы книги более всего приковывали его внимание: значительная часть заметок относится именно к ним. Могло это объясняться и чисто внешними причинами: в декабре 1918 г. Блок был перегружен работой, многочисленными организационными делами, заседаниями и пр. Определенно, Блок не считал возможным всерьез браться самому за исполнение столь сложного труда, его опыт переводчика прозы, в отличие от навыков в стихотворном переводе, был невелик: одна новелла Йенса Петера Якобсена (1907) и неизданный перевод «Легенды о святом Юлиане Странноприимце» Г. Флобера (1914). Не исключено, что он считал поставленную перед самим собой задачу выполненной: проделанная им работа послужила отправной точкой для Зоргенфрея, приступившего тогда же к переводу «Путевых картин» в полном объеме; кроме того, она, безусловно, помогла Блоку вжиться в мир прозы Гейне, обнаружить каверзные и «опасные» для переводчика места, наконец, подобрать свой ключ к тому «русскому Гейне», который затем вышел из-под пера Зоргенфрея. Опыт перевода из «Путешествия по Гарцу» стал для Блока испытанием собственных сил перед ответственным делом редактирования перевода Зоргенфрея. Эту работу, в целом расцененную как очень удачную, Блок подверг тщательной редактуре, внося множество исправлений, нашедших отражение в опубликованном тексте. «...Получив от меня начало перевода, — вспоминает Зоргенфрей, — (Блок) просмотрел его, исправил и потом читал мне вслух, входя в обсуждение всех мелочей, придумывая новые и новые варианты, то и дело обращаясь к комментариям и справочным изданиям»¹⁰. Перевод Зоргенфрея, издававшийся в 1920—1930-е годы¹¹, явился наиболее совершенным для этого времени опытом воссоздания на русском языке «Путевых картин» Гейне. Рукопись его не сохранилась, и конкретно представить себе характер редакторского вмешательства Блока в текст Зоргенфрея, к сожалению, нет возможности.

Текст «пробы перевода» Блока из Гейне печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР в архиве А. А. Блока (ф. 654, оп. 3, ед. хр. 38, л. 67—69 об.). Текст датирован Блоком: „конец 1918“. Реальный комментарий к тексту Гейне в нашей публикации не дается — его можно найти в любом русском издании «Путевых картин».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См.: «Об Александре Блоке». Пб., «Картонный домик», 1921, с. 237—264.

² См.: Е. Ф. Книпович. Блок и Гейне.— В кн.: «О Блоке». М., «Никитинские субботники», 1929, с. 165—181; Е. В. Ланда. А. Блок и переводы из Гейне.— В кн.: Мастерство перевода. 1963. М., «Сов. писатель», 1964, с. 292—328; Она же. Блок — редактор Гейне.— В кн.: «Редактор и перевод». М., «Книга», 1965, с. 72—107; А. В. Федоров. Блок-прозаик и Гейне.— В кн.: «Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева». Л., 1976, с. 533—540.

³ О совместной работе Блока и Зоргенфрея над переводом и редактированием стихов и прозы Гейне см.: А. А. Блок. Письма к В. А. Зоргенфрею. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова.— «Русская литература», 1979, № 4, с. 130—131, 134—138.

⁴ В. А. Зоргенфрей. Александр Александрович Блок. (По памяти за 15 лет, 1906—1921 гг.).— «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 145.

⁵ Александр Блок. Собр. соч., т. XI. Изд-во писателей в Ленинграде, 1934, с. 247.

⁶ Д. Максимова. Позвия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 181.

⁷ Александр Блок. Собр. соч., т. XI, с. 277 («Предисловие ко второй части «Путевых картин» Гейне», 1920).

⁸ Там же, с. 263.

⁹ Е. Ланда. Блок — редактор Гейне, с. 91—94. Переводческие принципы Блока — редактора прозы исследуются в этой статье также на материале «Мемуаров» Гейне в переводе П. И. Вейнберга, отредактированном Блоком. О «пробе перевода» Блока из «Путешествия по Гарцу» см. также: Е. Ланда. Мелодия книги. Александр Блок — редактор, с. 102—103.

¹⁰ «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 145.

¹¹ Генрих Гейне. Избр. соч., т. V—VI. Пб., «Всемирная литература», 1920—1922; Генрих Гейне. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. IV. М.—Л., «Academia», 1935.

АЛЕКСАНДР БЛОК.

〈ОПЫТ ПЕРЕВОДА ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ〉

Город Геттинген, прославленный своими колбасами и университетом, подвластен королю ганноверскому и содержит в себе 999 домов, различные церкви, один родильный приют, одну обсерваторию, одну тюрьму, одну библиотеку и один городской погребок, где есть отменное пиво. Ручей, протекающий здесь, называется «Лейна» и служит летом для купанья; вода в нем очень холодная, и местами он так широк, что Людери пришлось действительно сильно разбежаться, когда он скакал через него. Город сам по себе красив и особенно приятен тогда, когда повернешься к нему спиной. Стоит он, должно быть, уже очень давно; помнится, когда, пять лет назад, я был включен там в список студентов и потом скоро исключен, он имел тот самый серый и старчески-умный вид и был уже достаточно снабжен ночными сторожами, педелями, диссертациями, танцевальными чаями, прачками, компендиями, жареными голубями, гвельфскими орденами, каретами¹ для прогулок², трубками, надворными советниками, юстиц³-советниками, посольскими советниками, профаксами⁴ и другими факсами. Иные утверждают даже, что город построен во время переселения народов, что каждая ветвь немецкого племени оставила здесь по одному⁵ дикому отростку своих членов, что отсюда и пошли все Вандалы, Фризы, Швабы, Гевтоны, Саксы, Тюринги и т. д., которые и по сей день бродят⁶ ордами по Вездской улице Геттингена, различаясь цветом шапок и кисточек на трубках, вечно сражаются между собою на кровавых полях при Разенмюле, Риченкрге и Бовдене, продолжают держаться нравов и обычаев времен переселения народов и управляются частью — своими вождями⁷, которые носят имя глав-

¹ После слова каретами карандашом поставлен вопросительный знак.

² для прогулок зачеркнуто карандашом.

³ Исправлено карандашом: юстиции.

⁴ профаксами карандашом заключено в скобки.

⁵ Далее зачеркнуто: непереpletенному экземпляру.

⁶ Сверху карандашом вписано: кочуют.

⁷ Сверху карандашом вписано: дуксами.

ных петухов, частью — древними таблицами, которые называются *Коммент*⁸ и заслуживают почетного места в *leges barbarorum* *.

В общем, обитатели Геттингена подразделяются на студентов, профессоров, филистеров и скотов, причем эти четыре сословия отнюдь не строго различаются между собою. Господствует сословие скотов. Перечисление имен всех студентов и всех ординарных и⁹ экстраординарных¹⁰ профессоров завело бы слишком далеко; притом, я не припомню сейчас имен всех студентов, а среди профессоров есть такие, у которых пока нет никакого имени. Филистеров в Геттингене, должно быть, очень много, как песку, или, лучше сказать, как грязи морской; действительно, когда я смотрю по утрам на их грязные лица и белые счета у дверей академического судилища, я с трудом могу постичь, как это Бог удосуужился натворить столько сволочи.

Более подробные сведения о городе Геттингене вы с приятностью найдете в его описании, составленном К. Ф. Г. Марксом. Несмотря на то, что я питаю священнейшую признательность к автору, который был моим врачом и проявил ко мне большую любовь, я не могу одобрить его сочинения безусловно и принужден выразить ему порицание за то, что он недостаточно строго опровергает ложное мнение, будто у геттингенок чересчур большие ноги. Да, я потратил немало времени на серьезное опровержение этого мнения, я слушал ради этого лекции по сравнительной анатомии, брал из библиотеки редчайшие книги, часами изучал на Вендской улице ноги проходящих дам и в научно обоснованном сочинении, где будут даны выводы из этих изучений, говорю: 1) о ногах вообще, 2) о ногах у древних, 3) о ногах слонов, 4) о ногах геттингенок, 5) сопоставляю все, что уже говорилось об этих ногах в Ульрихском саду, 6) обзираю эти ноги в их общей связи, распространяясь при этом случае об икрах, коленях и т. д. и, наконец, 7) если только найду достаточно большой¹¹ размер бумаги, то приложу несколько гравированных на меди изображений ног геттингенских дам.

Было еще очень рано, когда я покидал Геттинген, и ученый *** лежал еще, вероятно, в постели и¹² грезил, как всегда: о том, что он гуляет в прекрасном саду, где на грядках растут ослепительно¹³ белые бумажки, исписанные цитатами, приветно поблескивающие в солнечных лучах, он же срывает то ту, то другую и заботливо пересаживает на новую грядку, а соловьи между тем услаждают его стар<о>е сердце сладчайшими трелями.

У Вендских ворот мне встретились два малыша — местные школьники, один говорил другому: «Не желаю больше иметь дела с Теодором, он, подлец, не знал вчера родительного падежа от *mensa*». Как ни мало значат эти слова, я передаю их, ведь их следовало бы написать на воротах как городской девиз¹⁴; птенцы пищат, как взрослые¹⁵, свистят, и эти слова вполне определяют спесивую сухую¹⁶ узость¹⁷ многоученой Георгии Августы.

На дороге повеяло свежим утренним ветерком, птицы пели очень весело, и у меня на душе стало понемногу свежо и весело. Такое подкрепление было необходимо. В последнее время я не выходил из стойла пандектов, римские казуисты оплели¹⁸ мой дух как будто серой паутиной, сердце было ущемлено железными параграфами самолюбивых¹⁹ правовых систем, в ушах все еще

* сборнике законов варваров (лат.).

⁸ *Сверху карандашом вписано: Comment.*

⁹ *Далее зачеркнуто: всех*

¹⁰ *Сверху карандашом вписано: непорядочных.*

¹¹ *Далее зачеркнуто: лист.*

¹² *Далее зачеркнуто: спал.*

¹³ *ослепительно зачеркнуто карандашом.*

¹⁴ *Первоначальный вариант: в виде девиза города.*

¹⁵ *Далее зачеркнуто: пищат.*

¹⁶ *сухую вписано.*

¹⁷ *Далее зачеркнуто: и сухость.*

¹⁸ *Далее зачеркнуто: серой па<утиной>.*

¹⁹ *Над второй половиной слова сверху карандашом вписано: довлеющих.*

неустанно звенели «Трибоньян, Юстиньян, Гермогеньян²⁰, Дуракьян», и нежную парочку, сидевшую под деревом, я принял было за *Corpus Juris* * со скрещенными²¹ руками. Дорога начала оживляться. Пошли молочницы; потом — погонщики ослов со своими серыми питомцами. За Вендой мне попались навстречу Шефер и Дорис. Это — не идиллическая пара, воспитанная Гесснером, а упитанные университетские педеля, которые должны неуспешно следить, чтобы студенты не дрались на дуэли в Бовдене и чтобы какой-нибудь спекулянт приват-доцент не прошмыгнул с контрабандой каких-либо новых идей, которые должны несколько десятилетий выдерживать карантин перед Геттингеном. Шефер кивнул мне совсем по-приятельски, так как²² он²³ тоже писатель и часто упоминал обо мне в своих полугодовых сочинениях; кроме того, он часто цитировал меня, а когда не заставал меня²⁴ дома, всегда имел любезность писать цитату мелом на двери моей комнаты. По временам проезжали мимо поковки, набитые студентами, которые отъезжали на вакации или навсегда. В таком университетском городе постоянный прилив и отлив, каждые три года — новое поколение студентов, это — вечный людской поток, где одна семестровая волна²⁵ гонит другую²⁶, только старые профессора хранят в этом общем движении неколебимость, подобно пирамидам Египта — только в этих университетских пирамидах не сокрыта никакая мудрость.

Из миртовой рощи под журчанье воды²⁷ выехали два юноши, полные надежды. Женщина, занимающаяся²⁸ здесь своим горизонтальным ремеслом, вывела их на дорогу, искусной рукой шлепнула по тощам²⁹ лошадиным бокам, громко захохотала, когда один из всадников оказал ей сзади³⁰ несколько любезностей плеткой по³¹ объемистому «что угодно», и отправилась в Бовден. Юноши поехали к Нертену³² с весьма остроумными криками и милым пением Россиниевской песни: «Кружку пива, Лиза, Лиза!». Эти напевы я еще долго слышал издали; самих нежных певцов я скоро совершенно потерял из виду, ибо они усиленно прищпоривали и настегивали своих лошадей, видимо обладавших по существу немецки-вялым характером³³.

<Декабрь 1918 г.>

* Свод законов (лат.).

²⁰ Далее зачеркнуто: и.

²¹ скрещенными подчеркнуто карандашом, сверху вопросительный знак.

²² так как вписано.

²³ Далее зачеркнуто: ведь.

²⁴ меня зачеркнуто карандашом.

²⁵ Далее зачеркнуто: прогонит.

²⁶ Далее зачеркнуто: и.

²⁷ Далее вписано: [увидел я(?), как].

²⁸ Первоначально было: Существо в образе женщины, занимающейся.

²⁹ Далее зачеркнуто: спинам лошадей. Вписано сверху и зачеркнуто: задам.

³⁰ сзади вписано.

³¹ Далее зачеркнуто: широкому заду.

³² Далее зачеркнуто: выкрикив(ая).

³³ Первоначально было: у которых в сущности был, по-видимому, немецки-вялый характер.